

Шевченко Т. Г.
175-лет со дня рождения

8/11 82

Лит. газ. - 1989 - 8 марта - с. 5

К 175-летию со дня рождения Тараса ШЕВЧЕНКО

ДЛЯ МНОГИХ поколений украинцев — и не только украинцев — Шевченко означает так много, что сама собой создается иллюзия, будто мы все о нем знаем, все в нем понимаем и он всегда с нами, в нас. Но это действительно лишь иллюзия. Шевченко как явление великое и вечное неисчерпаем и нескончаем. Волею истории он отождествлен с Украиной и вместе с ее бытием продолжается, вбирая в себя новые дни и новый опыт, отзываясь на новые боли и думы, судьбу народную. Он развивается во времени, в истории, и нам еще идти и идти к его постижению... Но чтобы лучше понять его как своего современника, нужно полнее постичь его как современника проблем общества середины XIX столетия. Шевченко сам приходит в наш день. Но и мы должны идти в его время. Только так взаимопонимание между нами и ним будет глубже и полнее.

Мы искренне восхищаемся высоким гражданским образом Кобзаря, его политической принципиальностью и моральной чистотой, чувством социальной и национальной справедливости, преданностью правде и свободе. Но можем ли вполне представить, что за этим стояло, сколько это требовало душевных сил, сколько это стоило мук и боли, сколько потребовалось для этого прозрений мысли и высоты духа? Чтобы это представить, нужно хорошо знать не только самого Шевченко, но и весь широкий спектр взглядов, интересов и настроений эпохи, в своей совокупности и составлявших историческую реальность. Не имея возможности подробно остановиться на всех ее сложных социокультурных вопросах, ограничимся лишь упоминанием о состоянии литературы в эпоху великого поэта Украины.

Русская общественность первой половины XIX столетия (впрочем, и в более поздние времена, как показал В. Вернадский в статье «Русское общество и украинский вопрос») находилась в значительной мере в плену предубеждений и элементарного незнания исторических, культурно-традиционных, языковых и других аспектов процесса возрождения украинской литературы как провозвестия национального возрождения вообще.

Под влиянием раннего Гоголя, Квитки-Основьяненко, Гребинки вошел в моду тон повествования от имени простолюдина-лукавого провинциала, селянина-малоросса. Уже у Гребинки он иногда опасно приближался к паясничанию. Менее талантливые люди механически подхватывали эту манеру. А совершенно неталантливые быстро пришли к открытой профанации. В низкопробной беллетристике и поэзии оформились стереотип протаска «хохла», и широкая эксплуатация этого стереотипа помогала компрометации молодой украинской литературы, порой дезориентируя тех, кто мог бы или хотел стать ее другом. Позже по этому поводу наш блестящий культуролог (если воспользоваться современной терминологией) В. Горленко писал:

«На заре малорусской письменности первые писатели, люди с талантом, погрешили, присвоив нашему сельскому люду тупые и дураковские черты. Это могло находить объяснения в эпоху, когда один выход на сцену мужчины казался уже дерзостью. Питомцы той традиции, г.г. Ващенко-Захарченко и Гутки-Гутки держались старых преданий, но лишались уже старых свойств: ума и веселости. Нарастающая неумелость расправилась по-своему с упорствующими до сих пор псевдонародными гадарми и наградила их глупостью, обезоруживающей негодованием».

Это невольное унижение собственного народа шло параллельно с сознательным унижением со стороны недоброжелателей и шовинистов. В речи на панихиде по Шевченко в Рождественской церкви в Киеве 7 мая (по ст. стилю) 1881 года инспектор второй Киевской гимназии М. К.

Чалый, будущий биограф поэта, подчеркивал этот момент:

«Предшественники Шевченко, пародируя язык и народность нашу, не только не спешествовали развитию молодой украинской словесности, но и своим передразниванием только помогали нашим недругам глумиться над народными обычаями и своеобразием народного характера, сводя потомка славного казачества к уровню идиота. Антагонисты нашей национальности, которые, по своему общественному и социальному положению, привыкли считать простолудина своей рабочей силой, доходили порой до того, что, подобно американским плантаторам, отрицали в этом одаренном племенном — богатством памятников народной поэзии доказавшем свою способность к духовному росту в будущем, — отрицали, говоря, в нем катуку бы то ни было способность к высшему духовному развитию. Да простит им бог такое оскорбление!»

ВЕЛИКИЙ подвиг Тараса Шевченко заключался прежде всего в том, что он, возвысив понятие о своей нации — возвратив этому понятию его истинное достоинство — одновременно возвысил и ее возрождавшуюся литературу до уровня общечеловеческого. Собственно, это был коллективный подвиг, коллективный труд целой когорты национально пробуждавшейся интеллигенции (значительная часть которой сгруппировалась в Кирилло-Мефодиевском братстве — разгром его снова на многие годы обескровил украинскую литературу и науку), — но именно гений Тараса Шевченко озарил этот подвиг и этот труд необычайно ярким и покоряющим светом. И уже Н. Чернышевский, поддержав в статье «Новые периодические издания» украинский журнал «Основа», профессиональным уровнем высоко поднимавший над своими предшественниками, дал точную оценку принципиально новой ситуации, которую создали поэзия Шевченко и литературный труд большой группы людей, объединившихся вокруг дела национально-культурного возрождения.

Он считает, что с тех пор, как кто-либо в великорусской литературе холодно отзывался о стремлении к возрождению самостоятельной и полноценной украинской литературы на народном языке, «время изменилось, порядки изменились мы, да и малорусская литература получила уже такое развитие, что даже могла бы обойтись и без названного великорусского одобрения, если б могли мы не иметь к ней сочувствия». Когда у поляков появился Мицкевич, им уже не нужны стали снисходительные отзывы каких-то французских или немецких критиков: не признавать польскую литературу означало бы только проявлять собственную дикость. Имя теперь своего поэта, как Шевченко, считал Н. Г. Чернышевский, малорусская литература тоже не нуждается ни в чьем снисхождении. И, кроме Шевченко, он называет ряд авторов, которые были бы не последними писателями в литературе «и побогаче великорусской».

В этой связи Чернышевский назвал Пантелеймона Кулиша, Николая Костомарова, Марка Вовчка.

Тем не менее украинскую литературу и впрямь «не признавали». Царское правительство упорно прибегало и к ограничительным циркулярам, и к прямому запрещению. Деятели типа М. Каткова, И. Аксакова (не говоря уж о тех воинственных монархистах и националистах, что называли себя «истинно русскими людьми») переносили вопрос в политическую плоскость: изобилие энтузиастов новой украинской литературы в «сепаратизме» и «мазепинстве». Украинцам предлагали своеобразный вариант дуэализма: за их языком милостиво оставляли сферу «домашнего употребления».

Монархистам-великодержавникам подыгрывали и верноподданные «малороссы-патриоты», предостерегавшие от «чрезмерных претензий». Один из них, Григорий Карпенко, малороссийские вириши свои ради вящего патриотизма подписывавший «Грицько Карпенко», в печатном доносе на украинский журнал «Основа» писал:

МЯТЕЖНЫЙ ПРОРОК

«Уже гласно и печатно задумали разединиться с великорусской литературой, уже объявили, что географий и арифметики написаны по-малороссийски, и приглашают все прочие научные предметы писать по-малороссийски. Но спрашивается: для чего же это? Неужели же эти господа... предполагают завести во всей Малороссии училища, гимназии, университеты на малороссийском языке?.. Уже истати затеять быть опять самостоятельными казаками... Да еще поделаться нам с вами гетьманами, полковниками, войсковыми старшинами!..»

Кстати, обвинение в притязании на гетманский титул (которого не избежал и Шевченко) пережило несколько поколений катковых и грицьковых карпенков.

С величайшим хладнокровием парировал Шевченко подобные обвинения. И на вопрос о границах самостоятельности украинской словесности давал ответ простой и достойный: «У них народ и слово, и у нас народ и слово». В утверждении суверенности своего народа и его литературы — великий подвиг Тараса Шевченко.

И не менее великий подвиг его в том, что возрождающую литературу своего народа он оплодотворил самыми передовыми идеями своего времени и даже опережавшими свое время. До Шевченко литература и общественная мысль Украины в значительной мере были отягощены не только провинциализмом, но и сервиллизмом, верноподданничеством, обусловленными колониальным положением, национальным гнетом. И впоследствии верноподданнические элементы украинского общества не раз становились опорой и оплотом общероссийской реакции, а неволя Украины — тяжкой гирей на ногах общественно-политического прогресса, что как бы подтверждало пророчество Карела Гавличека-Боровского: «Малорусь-Украина — это постоянное проклятие, которое сами над собой прорекли ее угнетатели. Так мстит им порабощенная свобода Украины... Пока не исправлена кривда, причиненная украинцам, до тех пор невозможны действительное международное спокойствие и славянское взаимопонимание».

Но в то же время вдвойне (социально и национально) угнетенное положение Украины могло стать и стало — в творчестве Шевченко прежде всего — источником огромной революционной энергии.

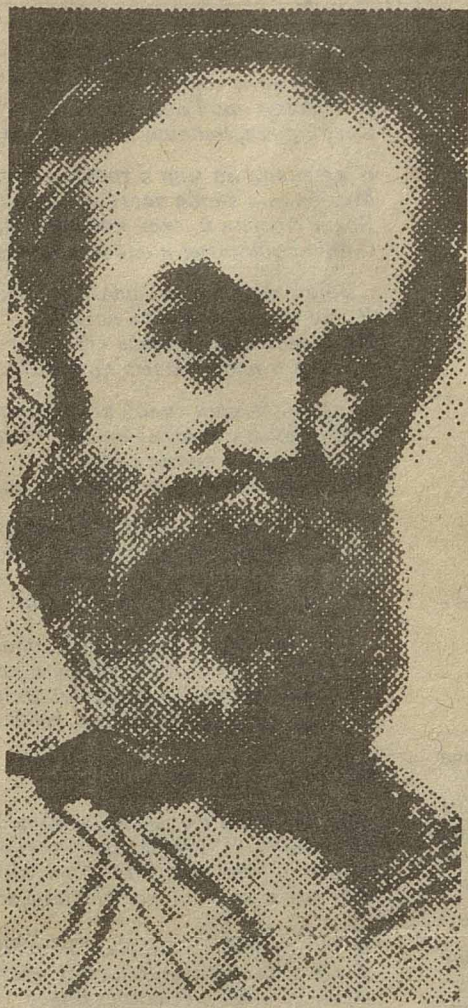
ИМЕННО потому, что на Украине, еще помнившей времена казачества, еще певшей про недавнюю волю и про «Катерину, вражу бабу», закалившую «степ широкий, край веселый», особенно остро ощущались ужасы крепостничества и особенно силен был протест против него, — именно потому (а не только по обстоятельствам личной судьбы) Шевченко достиг в разоблачении крепостного строя (всех его аспектов) такой страсти и глубины, что мало кто, даже Некрасов, имевший огромные заслуги, мог стать с ним рядом. Один из первых русских исследователей творчества украинского поэта в свое время писал: «Сравнивая неустанные обличения крепостного права, какие принадлежат украинскому поэту, с тем, что за те же годы произвел Некрасов, известный историк крестьянского вопроса В. Семевский говорит, что Шевченко надо отдать предпочтение и по количеству, и по качеству произведений, затрагивающих крестьянский вопрос».

Именно потому, что самодержавие было не только отрицанием общечеловеческого демократического идеала, гребовщиком национальной свободы Украины, Шевченко отожился на такие слова о «помазаннике божием», на какие никто еще не отваживался, и клеймил монархов с таким гневом и сарказмом, до каких возвышались разве что Петёфи и Гюго. Но Петёфи и Гюго издевались над монархами тогда, когда их народы уже восстали, а Шевченко — когда подавляющая часть общественности, даже либеральной (после расправы с декабристами), еще не могла говорить о своих земных властях иначе, как с верноподданническим содроганием.

Будучи верным сыном своего народа, стремившимся к его освобождению, он искренне проникся судьбой других угнетенных народов царской России, и никакие предрассудки или барьеры не сдерживали его братских чувств. Задолго до того, как сложилась концепция общероссийской революционной демократии в национальном вопросе (отражавшая взгляды не только русских революционеров, но в той или иной мере и прогрессивных деятелей всех народов России), Шевченко в поэме «Кавказ» (1845) заклеймил царскую Россию как тюрьму народов, где «на всех языках все молчит».

Никогда и ни в чем не возвышал Шевченко свой народ над другими, вообще не искал в нем черт, которые были бы свойственны только ему, и больше никому. О нем мало сказать современным нашим словом: интернационалист. Он был Человеком, истинным Человеком в родовом значении этого слова, при том, что был сыном своего времени, своего народа и, разделяя их недостатки в малом, в большом, великом шел на сто лет вперед. Знал свой долг перед всечеловеческой семьей народов, но имел мужество и этой семье народов напомнить о ее всечеловеческом долге перед своей поруганной нацией.

Великая любовь прозорлива и требовательна. Она может рождать и гнев, и стыд. Шевченко — творец в украинской литературе, в духовной жизни Украины того могучего и беспощадного духа национальной самокритики, того «национального стыда» (выражение К. Маркса), который всегда является потребностью и предпосылкой большого национального движения, всякого национального возрождения. Подобные мотивы знакомы многим литературам мира, в особенности же литературам народов, переживавших национальное угнетение, катастрофу или упадок и поднимавшихся на великое дело национального возрождения. Впечатляющие аналогии этим мотивам Шевченко найдем в творчестве Беранже, Гюго; у Лессинга, Шиллера, у Зейме и Гейне, других немецких поэтов-демократов первой половины XIX века; у Герцена, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, В. Курочкина. Но более всего — у поэтов национально-освободительной борьбы: Мицкевича, Петёфи, Хосе Марти, Христо Ботева... Можно сослаться и на высокую волну национальной самокритики во французской литературе конца XIX века (в частности у Ромена Роллана). У всех этих писателей найдем много соотносимого (а порой и почти буквальных совпадений) в критическом счете, предвещающем собственной нации, — как и у на-

Автопортрет. 1857 г.

ших Шевченко, Драгоманова, Франко, Леси Украинки, Самийленко, а позже — Хвильового.

Но вместе с тем Шевченко очень специфичен по характеру и почти недостижим в энергии изобличения «собственного» панства, псевдопатриотизма, рабства, ласкейства, гражданской лени, потери традиций героической борьбы предков за свободу. Перед ним стоял вопрос не только о том, каким быть его народу, но и быть ему или не быть вообще. Тут у него есть моменты глубокого внутреннего родства с крупнейшими поэтами национально-возрождения, среди которых — И. Чавчавадзе, А. Церетели, К. Хетагуров, М. Богданович, Янка Купала, Майронис, О. Туманян, М. Ф. Ахундов, Г. Тукай, Абай и многие другие.

Национальная боль придавала особенный характер и мотиву национальной самокритики, «национального стыда». Есть широкие аналогии со своеобразным звучанием этого мотива в творчестве просветителей многих народов Российской империи: татарина К. Насыри, башкира Акмиллы, казахов И. Алтынсарина, Ч. Валиханова, таджика Ахмада Дониша, а позже — С. Айни, узбеков Мукими, Завки, Фурката, каракалпак Бердаха, якута А. Кулаковского и др. Тяжкое положение порождало и особенное сравнительно с европейскими поэтами качество мотива национальной самокритики: больший трагизм, а вместе с тем и обостренное, страстное искание надежды, обращение к истории, к народным традициям богатства, апелляция к трудовым «энзимам» как единой опоре возможного национального развития (поскольку верхние слои общества нередко отрывались от народа не только в социально-политическом, но и в культурно-языковом отношении).

Для Шевченко в его поэзии было как бы две Украины: Украина как непреходящее начало и Украина как исторический момент. Украина-мать и Украина заблудшая. Украина непорочная и Украина «растленная». Украина «лицарей» и Украина

«рабов, подножков». Эту вторую, исторически извращенную и исторически преходящую Украину он бичевал и проклинал ради первой — Украины материнской, Украины непреходящей. В глубины будущего слал он свои непреложные заветы сыновьям родного народа, и среди этих заветов первый и последний:

Свою Україну любіть.
Любіть її... Во время люте,
В остатню тяжкую минуту
За неї господа молють.

НЕРЕДКО поэзию Шевченко сознательно или неосознанно сводили к его ранним фольклорно-романтическим да еще антикрепостническим мотивам. А в последние десятилетия только их и можно было услышать, скажем, на вечерах памяти Шевченко. Национально-политической поэзии Кобзаря прямо-таки боялись. Конечно, и в ранних произведениях Шевченко велик. Но велик, скорее, для нас, украинцев, велик для своего времени. Великим же для всего мира и на все времена он стал благодаря своей политической, национально-политической и философской поэзии 40—60-х годов. «Сон», «Кавказ», «послание» «И мертвым и живым, и нерожденным...», «Еретик», лирика каземата и времен ссылки, «Неофиты», «Осии. Глава XIV», «Мария» — высочайшие вершины поэтического духа.

Мы справедливо говорим о нем как о поэте социального и национального гнева, как о пламенном пророке. Но он и поэт любви, бесконечной нежности и тончайших движений сердца, идиллии мечтательного счастья; поэт евангельского милосердия и прощения, полноты человеческого великодушия.

Шевченко — поэт современный и актуальный сегодня; таким он был вчера и позавчера, таким будет завтра и послезавтра. Это поэт на все времена, поэт, вовеки насыщенный и всегда злободневный. В этом радостное и печальное для нас. Радостное — потому что вечны и нужны нам его идеалы, печальное — потому что и сегодня жизнь человечества и наша жизнь не свободны от тех кривд и болей, что запелись в его страждущем слове.

Но есть и более глубокий уровень сущности — его нетленные гуманистические идеалы. Они не были отвлеченно-прекраснодушными, в их конкретной социальной и национальной наполненности было не только созвучие с передовой общероссийской и общеевропейской революционной мыслью, но и обогащение ее, а нередко и опережение.

Это прекрасно, что сегодня мы возвращаем себе национальное самосознание под знаком Шевченко. Ибо Шевченко был гуманистом и интернационалистом, не было в нем ни капли национальной гордыни или предубежденности против других народов, и Украину любил он, за Украину стоял, за Украину себя отдавал не потому, что хотел ее возвысить над другими народами, а потому, что хотел видеть ее равной с другими в семье славянской, в семье европейской, в семье мировой — «вольной, новой».

Общечеловеческий смысл поэзии Шевченко и в том, что она самому украинскому народу дала понимание его судьбы, его потребностей и его задач перед лицом будущего — с точки зрения общечеловеческой истории и борьбы, общечеловеческих завоеваний разума и духа; с высоты самых передовых идеалов и представлений своего времени. Дав человечеству лучшее из украинского, он в то же время дал украинскому лучшее из всечеловеческого — в самом уровне и качестве своей мысли, своего слова.

Шевченко для нас — это не только то, что изучают, но и то, чем живут. В нем черпают силы и надежды.

Иван ДЗЮБА

КИЕВ